

Научная статья

УДК 821.111(417)-4 Уайльд + 070.1 + 7.035.93 + 81'42 + 159.942

DOI 10.15826/izv1.2022.28.1.005

МОДЕРНИСТСКАЯ ЭСТЕТИКА И КУЛЬТУРА ПОТРЕБЛЕНИЯ В ЖУРНАЛИСТИКЕ ОСКАРА УАЙЛЬДА

Роман Петрович Баканов¹

Лилия Георгиевна Егорова²

Дмитрий Валерьевич Туманов³

^{1, 2, 3} *Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия*

¹rbakanov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1097-8390>

²lge1964@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5035-8199>

³dvt1964@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5461-8127>

А н н о т а ц и я. В статье выявлена специфика авторского взгляда и творческой позиции в журналистских произведениях известного ирландского писателя Оскара Уайльда. Авторы статьи установили, что О. Уайльд всюду стремился запечатлеть реальный мир в его подвижности и изменчивости через свои мимолетные впечатления. Импрессионизм его произведений сосредоточился на текучести мгновения, переменчивости настроения или парадоксальном угле зрения. Уайльд-публицист не хотел документально воспроизводить описываемую реальность. Он фиксировал мгновенные изменения в своем восприятии, через образы воспроизводя впечатления, которые рождались в нем в тот или иной момент времени. Мир Уайльда — это мир субъективных, оригинальных впечатлений, он декоративен, чрезмерно картинен, но это мир обдуманных и даже придуманных впечатлений, а не стихийно, импульсивно рождающихся в восприятии художника. Авторы статьи считают, что многие мысли и выводы писателя актуальны для российского общества настоящего времени.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Оскар Уайльд; публицистика; искусство; эстетика; модернизм; наблюдение; размышление; впечатление; эмоция; оценка

MODERNIST AESTHETICS AND CONSUMER CULTURE IN OSCAR WILDE JOURNALISM

Roman P. Bakanov¹

Lilia G. Egorova²

Dmitrii V. Tumanov³

^{1,2,3} *Kazan Federal University, Kazan, Russia*

¹rbakanov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1097-8390>

²lge1964@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5035-8199>

³dvt1964@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5461-8127>

A b s t r a c t. The article reveals the specifics of the author's view and creative position in the journalistic works of the famous Irish writer Oscar Wilde. The authors of the article found that he everywhere sought to capture the real world in its mobility and variability through his fleeting impressions. The impressionism of his works focused on the fluidity of the moment, the changeability of mood or a paradoxical angle of view. Wilde, the publicist, did not want to document the described reality. He recorded instantaneous changes in his perception, reproducing through images the impressions that were born in him at one time or another. Wilde's world is a world of subjective, original impressions, it is decorative, excessively picturesque, but it is a world of deliberate and even invented impressions, and not spontaneously, impulsively born in the perception of the artist. The authors of the article believe that many of the writer's thoughts and conclusions are relevant to the Russian society of the present time.

K e y w o r d s: Oscar Wilde; journalism; art; aesthetics; modernism; observation; reflection; impression, emotion; evaluation

Оскар Фингал О'Флаэрти Уиллс Уайльд — ирландский философ, писатель, поэт, публицист — редко становился предметом изучения журналистиковедов, исследователи в основном сосредотачивались на его прозе. В зарубежных монографиях, посвященных Оскару Уайльду, эта сторона его мыслетворчества отражена лучше, чем в российских. Исследователь современной британской литературы Джон Стоукс и член Совета директоров Исследовательского общества периодических изданий Викторианской эпохи, соредaktor журнала «Media History» Марк У. Тернер в 2013 г. подготовили к публикации первое полное издание публицистических произведений писателя, составивших 6-й и 7-й тома Оксфордского Полного собрания сочинений Оскара Уайльда. Стремясь к академической точности воспроизведения текстов, они обращаются к периодическим изданиям, в которых статьи были первоначально опубликованы. Обширный комментарий раскрывает источники экстраординарных культурных знаний Оскара Уайльда и дает перекрестные ссылки на его творчество в целом.

Творческую биографию Оскара Уайльда невозможно понять без его журналистских произведений, где публицист в наибольшей степени раскрывал свои истинные взгляды на социальные изменения в мире. В своих модернистско-эстетических

статьях он показал основные этапы формирования культуры потребления, возникшей с развитием капитализма.

Уникально остроумная, проницательная и социально осведомленная журналистика Оскара Уайльда не только демонстрирует его широчайшую интеллектуальность и стилистические эксперименты, подготовившие почву для его основных работ 1890-х гг., но и предоставляет возможность картографирования яркой и быстро меняющейся журналистской культуры конца XIX в., в которой он играл основную роль.

Анализ разнообразия задач, которые он брал на себя в «The Woman's World», «Pall Mall Gazette» и «The Dramatic Review», соседствует в комментариях издателей с размышлениями о том, почему публицистические работы Оскара Уайльда иногда появлялись без его имени.

Увлечение эстетизмом привело к созданию оригинальной узнаваемости стиля начинающего писателя: «Punch» печатал карикатуры, изображавшие Уайльда, а в лондонском театре «Savoy» была поставлена забавная оперетта «Терпение», едко его осмеявшая. Но и то и другое сыграло позитивную роль в судьбе выпускника Оксфорда. Благодаря карикатурам он стал популярен в Англии, а благодаря спектаклю — в Америке. Дело в том, что оперетту поставили в Америке, но так как там движение эстетов не было распространено, то антрепренер организовал турне Оскара Уайльда по Америке, чтобы тот, проповедуя эстетизм, служил живой иллюстрацией к спектаклю.

Не желая, по всей вероятности, разрушать формирующийся образ эпатажного писателя, двадцатисемилетний Уайльд уже самую первую свою лекцию, которая называлась «Ренессанс английского искусства», завершил словами: «Мы все расточаем свои дни в поисках смысла жизни. Знайте же, этот смысл — в искусстве» [Уайльд, Ренессанс..., с. 283]. Так была задана генеральная линия всего его дальнейшего творчества.

К глубочайшему нашему сожалению, в российских изданиях до сих пор нет целостного представления публицистического творчества Оскара Уайльда. Даже те немногие его работы, которые удостоились чести быть переведенными на русский язык, оказались разбросанными по различным изданиям. Это значительно затрудняет возможности российского журналистиковедения включить импрессионистскую публицистику Оскара Уайльда в систему профессиональной подготовки современного журналиста.

Импрессионизм в конце XIX в. возникает как тенденция, демонстрирующая новое восприятие реальности, которая фиксирует восприятие мимолетного, сиюминутного явления, и находит свое отражение не только в живописи, но и в литературе, и в публицистике. Импрессионистские черты исследователи обнаруживают в журналистских произведениях А. И. Куприна, А. П. Чехова, И. А. Бунина, Б. К. Зайцева, И. А. Шмелева и некоторых других.

Но наиболее ярко это направление было обозначено именно в публицистике Оскара Уайльда. И без понимания характерных типологических черт его журналистского наследия невозможно понять российское журналистское пространство Серебряного века.

В журналистику Оскар Уайльд придет в тридцатилетнем возрасте. Как отмечают его биографы и исследователи творчества, появление писателя в английской прессе связано с финансовыми затруднениями. В 1884 г. Оскар Уайльд женился на Констанс Мэри Ллойд, и в некоторой степени «газетное творчество» было вынужденным шагом для поддержания благосостояния молодой семьи.

Но, с другой стороны, журнализм в ту эпоху становился особым средством массовой информации личности. Уайльд не мог этим не воспользоваться, чтобы заявить: «Проявить во всей полноте свою сущность — вот для чего мы живем. А в наш век люди стали бояться самих себя. Они забыли, что высший долг — это долг перед самим собой» [Уайльд, Портрет..., с. 41].

Публицистические статьи Уайльда являются скорее развернутыми афоризмами, нежели актуальными журналистскими материалами. Сегодня мы отнесли бы их к жанру «колумнистика». Обычно говорят, что тематика публицистических произведений Оскара Уайльда далека от политики. Однако это не совсем так. В каждую свою рецензию, в каждый отчет о лекции он вставлял размышления о социальном положении.

Так, в статье «Красоты переплетного дела» Уайльд пишет: «Прежде чем у нас будет налажено настоящее переплетное дело, должна произойти социальная революция. Сейчас положение таково, что рабочий низведен до состояния машины, он превратился в раба предпринимателя, а предприниматель, наживший миллионы, сделался рабом общества, тогда как само общество является рабом своего любимого идола — дешевизны» [Уайльд, Красоты..., с. 176].

В статье «Близость искусств и ремесел» он вновь возвращается к тому же вопросу: «Искусство зависит от Жизни. Машины его нам не дадут. Машины, однако, плохи лишь тогда, когда они становятся нашими хозяевами. Искусство ценит печатный станок, потому что станок повинуете ему. Настоящее искусство должно черпать творческую энергию в самой жизни, брать свои краски у реальных добра или зла» [Уайльд, Близость..., с. 178–179].

При этом Уайльд осознает, что всякое творчество напрямую зависит от ментальности нации. В статье «На лекции м-ра Уистлера в десять часов» Уайльд констатирует: «Художник не есть нечто изолированное, он — производное определенной среды и определенного окружения и не может родиться в народе, лишенном всякого чувства красоты, как не может смоква вырасти на терновнике или роза расцвести на репейнике» [Уайльд, На лекции..., с. 308].

Мимолетность наблюдений, странность и даже некоторая причудливость изложения, чрезвычайная неровность и кажущая случайность соседствующих в предложении слов являют собой тот самый импрессионизм мысли, который В. С. Соловьев обнаружил в произведениях К. К. Случевского. Оскар Уайльд в английском литературно-публицистическом пространстве стоит особняком: никто более из его соотечественников не смог — или не захотел — подняться на вершины фиксации мгновенных впечатлений и ощущений, с последующей репрезентацией их в форме художественно-творческой рефлексии.

Рассуждая в заметке «Читать или не читать» о литературе, Уайльд предлагает программу формирования этой среды: «Советовать людям, что им читать, как

правило, либо бесполезно, либо вредно; восприятие литературы зависит от темперамента, а не от школы; по учебнику не взобраться на Парнас, и никакие знания тут не помогут. Но вот сообщить людям, чего читать не стоит, — совсем другое дело, и я охотно предложил бы включить эту тему в факультативный университетский курс» [Уайльд, Читать..., с. 109].

И еще одна цитата на эту же тему, на сей раз из статьи «Отношение костюма к живописи»: «Учить искусству надо не в Академии. Художника создает то, что он видит, а не то, что он слышит. Подлинной школой станут улицы. <...> У искусства поистине никогда не может быть иной цели, кроме собственного совершенства, и художник, вероятно, поступает мудро, стремясь к одному лишь наблюдению и творчеству, и не задаваясь целью изменить других» [Уайльд, Отношение..., с. 312].

В калейдоскопичности, хаотичной пестроте импрессионистических наблюдений Оскара Уайльда отчетливо видна оппозиционность к диккенсовскому патернализму. Статья как серия коротких афоризмов бросала вызов классической литературной структуре и породила споры в викторианской Англии.

Однако ошибочно полагать, что Уайльд, отражая формирующееся общество потребления, интересовался лишь вопросами эстетизма. В эссе «Душа человека при социализме» — единственном образце политической эссеистики Уайльда — он заявляет: «Истинное совершенство человека определяется не тем, что у него есть, но тем, что он сам собой представляет. Частная собственность, разрушив истинный Индивидуализм, создала взамен Индивидуализм мнимый. Она лишила одну часть общества индивидуальности, повергнув ее в нищету. Она лишила индивидуальности и другую часть общества, обременив ее заботами, толкнув на неверный путь. Что и говорить, понятие собственности настолько возобладавало над личностью, что по британским законам посягательство на частную собственность карается с большей суровостью, нежели оскорбление личности, и по масштабам частной собственности до сих пор судят о достоинствах граждан» [Уайльд, Душа..., с. 224]. Размышляя над процессами переустройства общества, Уайльд приходит к мысли, что «...бедность и нищета действуют настолько растлевающе и до такой степени парализуют человеческое естество, что ни один класс не способен до конца осознать, насколько он обездолен. Чтобы ему объяснить это, требуются люди со стороны» [Там же, с. 222]. И все же публицист делает в итоге неоднозначный вывод: «Истина в том, что человечество должно быть свободным, а не в том, что им следует управлять. Все формы правления несостоятельны. Деспотия — это несправедливость ко всем, в том числе и к самому деспоту, который, возможно, достоин лучшей участи. Олигархия — несправедливость по отношению ко многим, охлократия — к избранным. Некогда большие надежды связывали с демократией; но демократия — не что иное, как припугивание толпой толпы в интересах толпы. Это очевидно. Должен сказать, что сейчас избавляться от власти самое время, ибо всяческая власть совершенно растлевающа» [Там же, с. 230].

Подтверждение своих размышлений Оскар Уайльд ищет и в произведениях других авторов. В частности, он обращается к романам Федора Михайловича

Достоевского «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Записки из Мертвого дома» и «Братья Карамазовы». Характеризуя творчество русского писателя, Уайльд отмечает: «Достоевский сильно отличается от своих соперников. Он не такой утонченный художник, как Тургенев, поскольку больше обращается к фактам, а не к впечатлениям; не обладает он и широтой видения и эпической невозмутимостью Толстого; у него иные, присущие только и исключительно ему одному достоинства: яростная напряженность страсти и мощь порыва, способность распознавать глубочайшие психологические тайны и потаенные родники жизни, реализм, безжалостный в своей верности и ужасный потому, что он верен» [Уайльд, «Униженные...», с. 329].

Как видим, Уайльд отмечает в Достоевском те качества, которые выдвигает как основополагающие в своих публицистических статьях: «Настоящее искусство должно черпать творческую энергию в самой жизни, брать свои краски у реальных добра или зла, следовать за ангелами света или ангелами тьмы. Нельзя подобострастно копировать образцы искусства прошлого. Новое время требует новых форм» [Уайльд, Близость..., с. 178–179].

«Сколь бы безжалостен ни был Достоевский в своем методе как художник — как человек он сострадает нам всем: тем, кто творит зло и кто страдает от него, эгоистам в не меньшей мере, чем тем, чьи судьбы исковерканы другими, и чья жертва была принесена напрасно», — заявляет Уайльд [Уайльд, «Униженные...», с. 331]. Ему важно то, как осторожно, исподволь Достоевский приводит читателя к мысли, что «отнюдь не одни только испорченные люди поступают дурно и не одни только плохие порождают зло» [Там же, с. 330]. Он считает, что Достоевскому «...удалось выразить себя в Искусстве, в области романа, мироощущение которого близко к средневековому, так как доминирующий мотив — самовыражение через страдание. Ну а для людей, не причастных к искусству, и для тех, кто живет исключительно сегодняшним днем, боль становится единственным путем к совершенству» [Там же, с. 253].

В этом заключается и идея единственного романа Оскара Уайльда: всякое излишество, равно как и всякое самоограничение, приводит к наказанию, но испытанная боль приводит к очищению души. Вслед за Достоевским он обнажает лабиринты человеческой психики. В письме в редакцию «The Scots Observer» он заявляет: «Для драматического развития моего романа, милостивый государь, было необходимо окружить Дориана Грея атмосферой морального разложения. Иначе роман не имел бы смысла, а сюжет — завершения. Художник, написавший роман, ставил перед собой цель сделать эту атмосферу туманной, неясной и удивительной. Я утверждаю, милостивый государь, что это ему удалось. Каждый человек видит в Дориане Грее свои собственные грехи. В чем состоят грехи Дориана Грея, не знает никто. Тот, кто находит их, привнес их сам» [Уайльд, Редактору..., с. 382]. Он отказывает обществу в праве судить произведения искусства, признавая единственным их мерилom ценности реализацию художником своего собственного замысла.

Если принять во внимание его неприязнь к новой капиталистической формации, убивающей в человеке душу и индивидуальность, то эта позиция Уайльда

может быть оценена как стремление дифференцироваться от зарождающегося общества потребления. Мир в его глазах парадоксальным образом перевернулся: вещи стали обретать признаки человечности, а люди утратили их.

Недаром же в своих сказках, которые Уайльд пишет в это время, красоту природы он любит подчеркивать сравнением с искусственными вещами: море — сапфировое, глаза — зеленые бериллы, небо — горящее, как раскаленный опал. Даже стиль произведения окрашивается для Уайльда в определенный искусственный цвет. Когда сказку «День рождения инфанты» перевели на французский язык, Уайльд написал: «По стилю — это моя лучшая сказка. Мне она виделась в черных и серебряных тонах, а на французском языке она превратилась в розово-серебряную» [Wilde, Œuvres..., p. 11].

В конечном счете это и является ключом к постижению всего творчества Уайльда — и художественного, и публицистического. Он всюду стремился запечатлеть реальный мир в его подвижности и изменчивости через свои мимолетные впечатления. Импрессионизм его произведений сосредотачивается на текучести мгновения, переменчивости настроения или парадоксальном угле зрения. «Чистое наблюдение», которое провозглашали импрессионисты, подразумевало отказ от идеи, закрепленный формулой импрессионизма: видеть, чувствовать, выражать — в этом все искусство.

Уайльд-публицист даже не стремится документально воспроизвести описываемую реальность, он фиксирует мгновенные изменения в своем восприятии, через образы воспроизводя впечатления, рождающиеся в нем в тот или иной момент времени. Потому так трудно определить жанр, в котором работает Уайльд: рецензия, отчет, статья, эссе... С каким тонким — поистине английским — юмором описывает он в них собственные впечатления.

Вот как он воссоздает атмосферу лекции англо-американского художника Джеймса Эббота Макнила Уистлера: «Стоя там — настоящий Мефистофель в миниатюре, издавающийся над толпой! — он напоминал блестящего хирурга, читающего лекцию перед аудиторией, состоящей из лиц, которым в конце концов предстоит вскрытие, и с серьезным видом убеждающего их в том, какую ценность для науки представляют их болезни и что проявление с их стороны малейших признаков здоровья было бы совершенно лишено интереса» [Уайльд, На лекции..., с. 307].

А вот фрагмент рецензии Уайльда на книгу «Обеды и блюда» анонимного автора: «Книга написана кратко и выразительно, она не претендует на красноречие, и в этом ее очевидное преимущество. У кого хватит сил прослушать целую ораторию даже во славу дичи? Существует у нее и другое достоинство — отсутствие иллюстраций. Конечно, предмет произведения искусства не имеет ничего общего с красотой этого произведения, но все равно есть что-то гнетущее в цветной литографии бараньей ноги» [Уайльд, Обеды..., с. 96].

Мир Уайльда — это мир субъективных, оригинальных впечатлений, он декоративен, чрезмерно картинен, но это мир обдуманых и даже придуманных впечатлений, а не стихийно, импульсивно рождающихся в восприятии художника. Но ведь

латинское слово «*impressio*» означает не только «впечатление», но и «вторжение», «нападение». Импрессионизм Уайльда как раз таков — он вторгается в действительность, нападает на природную естественность, чтобы искусственно создать то Прекрасное, которое он теряет в трансформирующемся социуме.

В декабре 1894 г. появляются «Заветы молодому поколению», которые подвели своеобразный итог философским размышлениям, творчеству и жизни Оскара Уайльда. К этому времени он окончательно приобрел имидж человека, попирающего общественную мораль. В этом публицистическом манифесте Уайльд заявлял, что «порочность — это миф, созданный людьми благонравными, когда им было нужно объяснить, почему же иные из нас бывают так странно привлекательны», что «промышленность — корень уродства» и что «наслаждение — это единственное, ради чего нужно жить» [Уайльд, Заветы..., с. 284–285]. Но именно «Заветы молодому поколению» стали вершиной эскапизма Уайльда, пытающегося скрыться от скорбного бесчувствия надвигающегося века.

Внутренне он преобразился. И откровенно признается в этом: «Страдание и все, чему оно может научить, — вот мой новый мир. Я жил раньше только для наслаждений. Я избегал скорби и страданий, каковы бы они ни были. И то и другое было мне ненавистно. <...> Теперь я вижу, что Страдание — наивысшее из чувств, доступных человеку, — является одновременно предметом и признаком поистине великого искусства» [Уайльд, *De Profundis*, с. 472–473].

Последними публицистическими произведениями Оскара Уайльда стали социально направленные послания обществу, опубликованные в газете «*Daily Chronicle*». В них он рассказывает об аморальных законах, по которым малолетний ребенок может быть заключен в тюрьму: «В последнее время немало сказано и написано об отрицательном воздействии тюрьмы на детскую душу. И это вполне справедливо. Тюремная жизнь портит ребенка. Но порча эта исходит не от заключенных. Она исходит от исправительной системы в целом — от начальника тюрьмы, от капеллана, от надзирателей, от одиночной камеры, от изоляции, от скверной пищи, от параграфов тюремного устава, от дисциплинарных требований — от всего уклада жизни. Делается все возможное, чтобы ребенок даже на глаза не мог попасться кому-либо из заключенных старше шестнадцати лет. В часовне дети сидят за особой занавеской, на прогулку их выводят в тесные и мрачные дворы — иногда во двор, где дробят камень, иногда на задворки мельниц, — лишь бы только они не встретились с кем-нибудь постарше из отбывающих срок. А между тем в тюрьме именно заключенные являются единственным подлинным источником человечности» [Уайльд, *Письма...*, с. 194].

Знакомя с внутренними распорядками в каторжной тюрьме в Рединге, Оскар Уайльд в деталях описывает страх, одиночное заточение, голод — все то, что пришлось перенести и малышам, — и советует смягчить условия отбывания наказания. Публицист перечислил три вида пыток, узаконенных в английских тюрьмах: голод, бессонницу и болезнь. Он указал, что необходимые реформы очень просты, но они должны касаться как телесных, так и душевных нужд заключенных, которые пока полностью игнорируются тюремным режимом. Заключительные строки письма

звучат как обвинение в адрес капитализирующегося общества: «Предстоит многое сделать. И в первую очередь самое, вероятно, трудное: научить начальников тюрем человечности, надзирателей — цивилизованности, капелланов — учению Христа» [Уайльд, Письма..., с. 142].

Это были последние публицистические произведения Оскара Уайльда, опубликованные при его жизни.

-
- Уайльд О.* Близость искусств и ремесел // Избр. произв. : в 2 т. М., 1993. Т. 2.
Уайльд О. Душа человека при социализме // Соч. : в 3 т. Т. 3 : Стихотворения. Поэмы. Эссе. Лекции и эстетические миниатюры. Письма. М., 2003. С. 218–254.
Уайльд О. Заветы молодому поколению // Соч. : в 3 т. Т. 3 : Стихотворения. Поэмы. Эссе. Лекции и эстетические миниатюры. Письма. М., 2003. С. 284–285.
Уайльд О. Красоты переплетного дела // Избр. произв. : в 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 174–177.
Уайльд О. На лекции м-ра Уистлера в десять часов // Соч. : в 3 т. Т. 3 : Стихотворения. Поэмы. Эссе. Лекции и эстетические миниатюры. Письма. М., 2003. С. 306–309.
Уайльд О. Обеды и блюда // Избр. произв. : в 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 95–97.
Уайльд О. Отношение костюма к живописи // Соч. : в 3 т. Т. 3 : Стихотворения. Поэмы. Эссе. Лекции и эстетические миниатюры. Письма. М., 2003. С. 309–313.
Уайльд О. Письма. СПб., 2007.
Уайльд О. Портрет Дориана Грея // Соч. : в 3 т. Т. 1 : Портрет Дориана Грея. Рассказы. Сказки. М., 2003. С. 21–244.
Уайльд О. Редактору «The Scots Observer» // Соч. : в 3 т. Т. 3 : Стихотворения. Поэмы. Эссе. Лекции и эстетические миниатюры. Письма. М., 2003. С. 380–382.
Уайльд О. Ренессанс английского искусства // Соч. : в 3 т. Т. 3 : Стихотворения. Поэмы. Эссе. Лекции и эстетические миниатюры. Письма. М., 2003. С. 257–283.
Уайльд О. «Униженные и оскорбленные» Достоевского // Соч. : в 3 т. Т. 3 : Стихотворения. Поэмы. Эссе. Лекции и эстетические миниатюры. Письма. М., 2003.
Уайльд О. Читать или не читать // Избр. произв. : в 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 108–109.
Уайльд О. De Profundis // Соч. : в 3 т. Т. 3 : Стихотворения. Поэмы. Эссе. Лекции и эстетические миниатюры. Письма. М., 2003. С. 409–526.
Wilde O. Œuvres Complètes : 2 vol. Trad, française, éd. par J. de Langlade. Stock, 1975–1977. 1977. Vol. 2.

Статья поступила в редакцию 05.10.2021 г.